

Содержание

<i>Дарья Московская. К публикации эпистолярия Николая Анциферова</i>	5
--	---

1900–1920-е годы

Письма Фортунатовым

<i>Подготовка текстов и публикация Н. К. Миско. Комментарии Д. С. Московской</i>	41
--	----

Дополнение. Письма Л. К. Белокопытовой

<i>Подготовка текста, публикация, комментарии Д. С. Московской</i>	65
--	----

1920–1930-е годы

Письма Татьяне Борисовне Лозинской

<i>Подготовка текстов и публикация М. Ю. Любимовой. Комментарии М. Ю. Любимовой и Д. С. Московской</i>	70
--	----

Дополнение. Письмо Т. Н. Анциферовой Т. Б. Лозинской

<i>Подготовка текста, публикация, комментарии М. Ю. Любимовой</i>	133
---	-----

1930-е годы

Письма Софье Александровне Гарелиной

<i>Подготовка текста и публикация Л. Сухорукова. Комментарии Д. С. Московской, Э. Джонсон, А. Шпака</i>	136
---	-----

Дополнение. Заявление Н. П. Анциферова Генеральному Прокурору Ворошиловской области

<i>Подготовка текста, публикация, комментарии Д. С. Московской</i>	442
--	-----

1930–1950-е годы

Письма Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

<i>Подготовка текстов, публикация, комментарии В. Н. Гусейнова и Д. С. Московской</i>	446
---	-----

Дополнение. Письмо Б. В. и И. Н. Томашевским.

Письмо Э. А. Полоцкой <i>Подготовка текста, публикация, комментарии Д. С. Московской</i>	461
--	-----

1940–1950-е годы

Письма Георгию Александровичу Штерну

Подготовка текстов и публикация Т.Э. Шумиловой.

Комментарии Д.С. Московской и Т.Э. Шумиловой 468

**Дополнение. Письма Павлу и Алексею Штернам,
приложенные к письмам Г. А. Штерна**

Подготовка текста, публикация, комментарии

Т.Э. Шумиловой и М.Ю. Любимовой 609

Дополнение. Письмо С. А. Гарелиной И. Н. Томашевской

Подготовка текста, публикация, комментарии Д.С. Московской . 614

Вместо эпилога.

Письмо Н. П. Анциферова Т. Н. Камедровской

Подготовка текста, публикация, комментарии Д.С. Московской . 616

Печатные источники 618

Список иллюстраций 620

Именной указатель 622

К публикации эпистолярия Николая Анциферова

Петроградцам и русской эмиграции 1920-х годов имя Николая Павловича Анциферова было хорошо известно по вызвавшим острую полемику¹ книгам о судьбе литературного образа Северной Пальмиры «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Быль и миф Петербурга»². Современному читателю Анциферов знаком благодаря изданию в 1992 году его воспоминаний «Из дум о былом»³, ставшему знаковым событием для эпохи перестройки и демократизации общественно-политических институтов бывшего СССР. Публикация научного наследия Анциферова⁴ в начале 2000-х годов восстановила его в ряду выдающихся историков литературы и общественной мысли, из которого он был изгнан в 1930 году как враг народа — контрреволюционер, запятнавший себя связью с историками-монархистами С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье.

Главные вехи драматической судьбы ученого парадоксальным образом сплелись с классицистическими усадьбами и парками России, античными виллами и ренессансными палаццо Европы, этими земными прообразами гармонии и красоты небесной,

¹ Голубева И. А. Петр Николаевич Столпянский — историк Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 188; Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 631; Последние новости. 1922. 8 ноября. № 16. С. 3; George V. Florovsky. The Soul of St. Petersburg by N. P. Antsiferov. The St. Petersburg of Dostoevsky by N. P. Antsiferov // The Slavonic Review. 1926. Vol. 5. № 13 (Jun.). P. 193–198; [Чижевский Д. И. Рец. на кн.:] Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз–Ефрон, 1922; Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Пб.: Брокгауз–Ефрон, 1923 // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 35. С. 542–547. (Подпись: П. Прокофьев.)

² Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского. Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг. М., 1991.

³ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992.

⁴ Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918–1942) / Публ., коммент. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник-2003. М., 2004; Он же. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Публ., послесловие Д. С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

и inferнальной их травести — местами принудительного заключения: Соловками, Белбалтлагом и Уссурийским концлагерем. Парадоксом кажется и то, что посвятивший себя изучению и сохранению городской культуры Анциферов не был горожанином и с городской культурой впервые познакомился в 10-летнем возрасте, после переезда в Киев. Сын преподавателя Уманской сельскохозяйственной академии, он родился в усадьбе Софиевка — маленьком Версале в украинских степях с рукотворными прудами, темными гротами, мраморными статуями языческих богов, одушевлявшими рукотворную красоту классицистического парка. В 1891 году, после назначения отца директором Никитского Ботанического сада, двухлетний мальчик с родителями, Павлом Григорьевичем и Екатериной Максимовной, переехал на Южный берег Крыма. Здесь, в сени развалин храма Дианы, в оливковых рощах, среди камней, осененных античной древностью, под чтение Гомера и греческих мифов он пристрастился к воображаемым путешествиям в сияющий мир Древней Эллады. Вера в созданные фантазией ребенка Острова блаженных, где нет места страданиям и смерти и куда в воображении он переселял любимых людей и животных, была поколеблена болезнью отца. Смерть Павла Григорьевича, последовавшая в 1897 году, заставила осиротевшую семью покинуть Никитский сад и переехать в Польшу, в имение Чарторийских в Пулавах. Тут разместился Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт, где возглавлял кафедру двоюродный брат Павла Григорьевича Николай Михайлович Сибирцев, выдающийся ученый естествоиспытатель, вместе с В.В. Докучаевым создавший новую фундаментальную научную дисциплину почвоведение. Затем, после переезда в Киев в 1899 году, местом детских игр и обучения мальчика был Ботанический сад при Киевском университете, где директорствовал отец его друзей С.Г. Навашин. Во время частых посещений Москвы центром притяжения стали парк и дом бывшего имения графа Разумовского (Петровское-Разумовское), где поселилась семья новоалександрийского знакомого Анциферовых профессора А.Ф. Фортунатова, одного из сподвижников Н.М. Сибирцева. Последними парками жизни Н.П. были Петергофский (лето 1918 г.), Павловский (лето 1921–1922 гг.) и, наконец, «прекрасный Царскосельский

сад», с которым связаны самые личные его воспоминания. Здесь 5 февраля 1914 года венчанием в храме иконы Божией Матери «Знамение» было положено начало жизни молодой семьи Николая Анциферова и Татьяны Оберучевой.

Свадебное путешествие в Рим, Венецию, на Капри было для них недолгим временем безмятежного счастья. Возвращаясь в памяти к этим дням спустя четверть столетия, Анциферов переживал их уже в ореоле знания о страданиях и гибели тех, кто это счастье с ним делил. Перспектива времени наполнила воспоминания указаниями на знаки судьбы, смысл которых стал вняттен лишь годы спустя. Таким знамением была картина Джорджоне «Гроза», ради свидания с которой он и ожидающая первенца его юная супруга совершили паломничество в опустелый дом князя Джованелли в Венеции. На заднем плане картины очертания града Золотого века с сияющими на фоне лазурных небес белыми стенами, башнями, куполами, на переднем — мать, кормящая младенца, и белый аист — образы, исполненные почти пасторального умиротворения: «На полотне — художник, сын, жена, / И в ней сама любовь воплощена». Так Байрон описал смысл изображенного в поэме «Беппо», но мемуаристу виделось нечто иное — «заря жизни, уже омраченная грозой»: фигуры воина и матери с младенцем, разметанные по разные стороны бурлящего потока, пара срезанных колонн, оборванная аркада, грустный взгляд молодой женщины и приближающаяся буря со вспышками молний в темных тучах. Это было мрачное пророчество, в скором времени сбывшееся: окончание свадебного путешествия по Европе совпало с началом Первой мировой войны. «Молния прорезала тучу. Это был конец старого мира. Так в Венеции кончилась для нас одна жизнь и началась другая, с тихим светом и бесконечными, все сокрушающими грозами. Венеция стала навсегда памятным рубежом»¹.

В 1920-х годах в царских садах Северной Пальмиры Анциферов вел экскурсионную работу, защищал их от разрушения в обществе «Старый Петербург» и в качестве члена Центрального бюро краеведения. Монументальному облику города он посвятил

¹ Анциферов Н. П. Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию / Отв. ред. М. Н. Талалай; сост., подготовка текста, вступ. статья Д. С. Московской. М.: Старая Басманная, 2016. С. 167.

лекционные курсы в Петроградском экскурсионном институте и Институте истории искусств. В этой научно-практической деятельности создавалась его «петербургская трилогия», посвященная литературным отражениям исторической судьбы «самого умышленного на земле города» (Ф.М. Достоевский).

Петербург, дав Анциферову друзей, семью, учителя, заменившего отца, — историка-медиевиста, профессора Петербургского университета Ивана Михайловича Гревса, спустя недолгий срок отнял часть своих даров. В Гражданскую войну в Царской Славянке под Петроградом умерли от дизентерии его дети: четырехлетняя Таточка и годовалый Павлинька, и Смоленское кладбище, где они были похоронены, стало для семьи местом паломничества. В Царском Селе перед этапированием на Соловки он в последний раз видел свою умирающую от чахотки жену. Ранней осенью 1929 года в Феодоровском соборе ее отпели — он же отбывал срок в Кемпи. Весной 1941 года в Детском Селе он читал начальные главы своих мемуаров И.М. Гревсу, не подозревая, что это последняя его встреча с любимым padre. В 1942 году из Детского Села была угнана в Германию дочь-подросток Татьяна, и в Ленинграде во время блокады умер от болезней и голода сын Сергей, Светик. Сюда последней военной весной вернулся Анциферов из Москвы, чтобы увидеть пепелище на родине своей молодости.

Научно-практическая деятельность ученого трижды прерывалась арестами и ссылками. В 1924 году по обвинению в недоносительстве он был осужден на три года к вольной ссылке в Омске. Приговор спустя два месяца был отменен. В 1929 году он был арестован по делу философско-религиозного кружка «Воскресенье», в 1930 году дополнительно привлечен по «делу Академии наук» — вредительства на историческом фронте. Отбывал ссылку в Соловецком лагере особого назначения, затем в Белбалтлаге на Медвежьей горе. В 1933 году, досрочно освобожденный, он избрал для жительства Москву. Начатое после второго ареста сотрудничество Анциферова с Государственным литературным музеем, завершившееся в марте 1937 года переходом туда на работу в качестве старшего научного сотрудника экспозиционного отдела, оборвалось новым арестом. В начале 1938 года он по этапу прибыл в Амурлаг. После отмены приговора в 1939 году

вернулся в Москву и продолжил работу в ГЛМ сначала руководителем отдела литературы XIX века, затем, после тяжелого инсульта, консультантом. В годы Великой Отечественной войны Анциферов не покидал Москвы. В 1943 году был принят в члены Союза советских писателей; в июле 1944 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. (Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций)».

В 1933 году, после возвращения из Белбалтлага, Анциферов стал жителем арбатских переулков, где в коммунальной квартире № 1 дома 41 по Большому Афанасьевскому переулку прожил 23 года своей московской жизни. В Москве он нашел верного спутника — Софью Александровну Гарелину, был окружен друзьями — семьями Лосевых, Чуковских, Реформатских, здесь его навещали Томашевские, приезжали друзья юности. В довоенные годы у него на Арбате гостила дочь Татьяна, после войны — сын погибшего в блокаду Светика маленький Миша Анциферов.

Анциферова не стало 2 сентября 1958 года. Он был отпет в старинном московском храме Ильи Обыденного на Остоженке, похоронен на Ваганьковском кладбище и связан с московской землей уже навсегда.

* * *

«В основе культуры — память», — говорил С. О. Шмидт¹, и с этой точки зрения переписка Анциферова — принявшее форму эпистолярия продолжение его основной научно-практической деятельности как социального историка (краеведа) по сохранению культурной памяти общества и борьбы за качество этой памяти. Среди его собеседников были известные деятели науки и культуры, и он оставил после себя более двух тысяч писем, к ним адресованных и рассеянных ныне по крупнейшим архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга. Сюжетообразующее начало анциферовского эпистолярного комплекса автор определил

¹ Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 151.

его же формулой «Такова наша жизнь в письмах»¹ — судьба человека, «случайно попавшегося на дороге» истории (А. И. Герцен). Античный архетип, странствия злосчастного Одиссея, преодолевающего время и пространство в стремлении вернуть утраченную семью и родину, стал сквозным для мемуаров и эпистолярия ученого. И здесь Анциферов — яркий представитель культуры Серебряного века и как глубокий почитатель наследия ее главных творцов, Владимира Соловьева и Александра Блока, и по мироощущению, сакрализирующему обыденность. Анциферову свойственен «панэтизм», представление о нравственной сущности жизни как предназначенного человеку страдальческого пути, на «конце которого стоит радость» (А. П. Платонов). Его мысль о жизни как о трудном духовном восхождении и мучительном прозрении находит выражение в аллюзийном слое его мемуаров и писем, отсылающем к строкам Вл. Соловьева: «В тумане утреннем неверными шагами / Я шел к таинственным и чудным берегам. <...> Рассеялся туман, и ясно видит око, / Как труден горный путь и как еще далёко, / Далёко всё, что грезилося мне. / И до полуночи неробкими шагами / Всё буду я идти к желанным берегам, / Туда, где на горе, под новыми звездами, / Весь пламенеющий победными огнями, / Меня дождется мой заветный храм».

Символическое осмысление событий русского XX века и собственного места в них сформировало «дантевский» подтекст его эпистолярия: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины», — окрасивший его письма трагическими (в аристотелевском понимании трагического как заблуждения) тонами. *Hamartia* — ошибка, не означающая вины, и потому воспоминания побуждают в мемуаристе бесстрашие и готовность принять с благодарностью свою судьбу: «Жизнь-спячка хуже всего. И я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью»². В страданиях, которые нес осознанно и «бережно», он стал тайновидцем «внутренней действительности» истории. В не опубликованном при жизни эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», датированном 1918–1942 годами, мы встретим знаменательное

¹ Наст. изд. С. 316.

² Наст. изд. С. 404.

рассуждение: «Наблюдая свершающуюся судьбу <...> души человечества в целом, мы замечаем ее глубоко трагичный характер. Это дает нам право рассматривать историю как трагедию, в которой постоянно извращается воплощаемая идея <...> превращающаяся <...> в свою противоположность. Катарсис <...> в этой трагедии достигается путем искупительных страданий целых народов. Чая глубокий смысл этой трагедии, недоступной нашему эвклидову уму, мы прозреваем в ней действие еще не узнанной силы. История-трагедия — превращается в историю-мистирию»¹.

Катарсис человеческой истории и частной человеческой судьбы, испытавшей на себе действие «неузнанной силы», — источник эстетизации жизни, превращающей нехудожественный жанр частного письма или дневника в автобиографический миф, в котором он как главный герой «предельными испытаниями доказывает подлинность своей личности»², а этическое начало становится жизнетворческим — и потому эстетическим актом. Опыт души, заблудившейся в поисках Истины, ушедшей от нее на «страну далече» и в страданиях обретшей ее, — то, что в первую очередь было предметом анциферовской архивации, изображения и передачи потомкам. Прошлое виделось ему в ликах и красках Фра Анджелико и Нестерова. Думы о настоящем обращали к образам, созданным живописцем «той картины, которая висит в нашей комнате между книжными полками», — свидетельствовал он в письме из Амурлага Гарелиной³. Сохранившаяся фотография арбатского приюта Анциферова позволяет установить имя живописца и название картины: «Возвращение блудного сына» Рембрандта.

Характерная особенность воспоминаний и писем ученого — сопровождающий их и звучащий все отчетливее в моменты особых испытаний аккомпанемент цитат, приводимых по памяти и порой неточно, из любимых произведений Пушкина, Ахматовой, Гумилева, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, из воспоминаний и переписки Герцена, из публицистики Достоевского, произведений Тургенева, Шекспира, уже упомянутых Гомера и Данте, отсылок к сюжетам

¹ Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность // Исследования по истории русской мысли. М., 2004. С. 107–162.

² Лукач Г. Своеобразие эстетического. М.: Прогресс. Т. 2. 1986. С. 428.

³ Наст. изд. С. 288.

итальянской живописи Чинквеченто, музыкальным темам Вагнера, Бизе, Россини. Они помогали страдальцу «выпрямиться» (Гл. Успенский), увидеть очищенную от бытовых настроений, от «жизни мышшей беготни», от звериных страстей и кровавой борьбы непопранную высокую идею событий и явлений, убедиться в близости — «золотой век в кармане» — непобедимой и неуничтожимой красоты потерянного и обещанного человечеству Рая.

Анциферов осваивал, «приживляя» к своему образу мыслей и чувствований, духовно значительные высказывания, почерпнутые из произведений современников. Как автобиографический документ читается переписанный им без указания на автора фрагмент из письма А. Блока: «Я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте <нрзб> о лени, о всем слабом, грешном и ничтожном во мне. Но во мне есть, правда, одна сотая того, что бы надо передать кому-то, вот эта лучшая моя часть могла бы выразиться в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь еще будет в нем кипеть и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего совесть, пусть она хотя бы обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, богато ближайшее будущее. <...> Жалейте и лелейте своего будущего ребенка, если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней»¹. Как нечто личное, освоенное и усвоенное, воспринимается выписка из романа Ф. А. Степуна «Николай Переслегин» о прагматике памяти, освобождающей высокую идею событий прошлого. По ней можно реконструировать философско-этическую программу мемуарного труда, задуманного Анциферовым в Амурлаге: «...я считаю память самую благородную душевную силою человека. Вспоминать и облагораживать, это, по-моему, почти одно и то же. Преступления нашей жизни память облагораживает путями стыда и раскаяния,

¹ ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 30. Л. 1.

образы страсти путями охлаждения и одухотворения. Значительные переживания, даруемые нам жизнью испещренными будничными случайностями, сгущаются памятью в сплошные духовные массивы, и даже серость будней превращается ею из простой бесцветности в ценный момент красочной сложности жизни. Поистине память является, по-моему, и самым строгим судьей, и самым талантливым создателем нашей души¹.

В жизненных перипетиях, которые ученый комментирует литературными сюжетами и образами, он поэт и философ-символист, демиург, из тех, кого Вяч. Иванов назвал наследниками «Творящей Матери»². Принципиально новым было то, что свой преображенный мир, свой «идеал богоявленный» Анциферов запечатлевал на «лице земли»³ эпохи социалистической реконструкции. Теургическую силу идеала он использовал трезво и продуктивно в невыносимых исторических обстоятельствах для строительства собственной личности и судьбы. Порождающей моделью для этого масштабного жизненного эксперимента была интуиция Достоевского о «Золотом веке в кармане»⁴. Ее избрал Анциферов, чтобы жить и выжить, не потерпев разочарований и не впад в романтические иллюзии: «Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал на всем свете рай», «Жизнь есть рай, ключи у нас»⁵.

Публикатор и комментатор воспоминаний Анциферова назвал его «последним интеллигентом» советской эпохи: «Сложившаяся в юности романтическая ориентация („человек 40-х годов“) определила то возвышенное отношение к действительности, которое ученый пронес через жизнь вопреки всем катастрофам. Стремясь во всех встреченных им людях выделить и подчеркнуть светлое начало, он и каждое изучаемое явление истории или культуры окрашивал в теплые тона личного отношения и отчаянно страдал, когда факты не укладывались в созданную его

¹ ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 70.

² *Иванов Вяч.* Творчество // Иванов В.И. Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель, 1971–1987. Т. 1. 1971. С. 537.

³ *Иванов Вяч.* Там же.

⁴ См. об этом подробнее в главе 16 «Петербург Достоевского и Золотой век» в изд.: *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма... С. 447–474.

⁵ Цит. по: Там же. С. 450.

воображением идиллическую картину»¹. Идеализм как способность верить в «вымышленные факты» и «отчаянно страдать», когда реальность опрокидывает вымысел, укладывается в эстетическую программу романтизма, однако Анциферов-ученый не был романтиком по характеру своей профессиональной подготовки и научной методологии. Прошедший семинары И. М. Гревса по духовной и материальной культуре европейских городов Средневековья и Возрождения, он сделал предметом изучения роль идей в общественном развитии, а основным источниковедческим ресурсом в исследовании движущих сил исторического процесса служили ему данные литературы и искусства. В цитированном выше эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность» ученый дает яркий пример того, как общественные ценности и идеалы способны стать фактом, определяющим события и формы общественного бытия. Так, официальная историческая наука не признала факта посещения Рима ап. Петром, однако, как пишет Анциферов в своем эссе, образ апостола в течение тысячелетий наполнял собой «все камни» этого города, превратив легендарное событие в исторический факт. Подобно римлянам жители Северной столицы сохранили веру в пушкинскую легенду о Петербурге как «Петра творенье», которую они впитали «чуть ли не с молоком матери»². Череда переименований Петербурга в XX веке подтверждает силу пушкинского «вымысла»: город вернул себе данное при рождении имя. Октябрьская революция доказала жизнестроительную силу идеи, направляющей ход событий. В 1924 году Анциферов записал в дневнике: «Был в музее Революции»³. Этот музей наряду с журналом „Былое“⁴ и другими создают новую священную историю. Это Исход, Книга Царств, Паралипоменон и Маккавеи. Есть свои пророки, апостолы, мученики и Иуды. Нельзя оставаться равнодушным, осматривая

¹ Добкин А. И. [Вступительная статья] // Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 4.

² Столянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб.: Нефа, 1995. С. 10. В указанном издании Столянский попытался, ссылаясь на архивные источники, опровергнуть эту «легенду».

³ До 1955 г. Музей революции располагался в Зимнем дворце.

⁴ «Былое» — журнал, посвященный истории русского революционного движения и Гражданской войны. Выходил в Петербурге–Петрограде–Ленинграде в 1906–1907, 1917–1926 гг.

эти комнаты и вспоминая о героических „деяниях“ и подвижнических „житиях“. Как коммунисты превращаются на практике в исторических идеалистов, как они прекрасно осмыслили силу пропаганды, т. е. власть идей. Как они умеют культивировать личность! Как они осмыслиют процесс революционной борьбы и освобождения как исторический процесс (Гракхи, Спартак, Мазаньелло, Анабаптисты и т. д.). Там, где им нужно, там, где они любят, — они понимают историю. Запрещение постановки „Китежа“ и „Хованщины“¹. И в другом месте — в ответ на критику своей «Души Петербурга»: «На слово душа поднято гонение. Это последовательно. Недавно на меня напал в „Красной газете“ Исаков. Он тоже из мундирных. Возмущался строчкой из моей статьи: „бытие и сознание взаимообусловлены“. Вот тут непоследовательно. Если отрицать воздействие идеи на жизнь — зачем пропаганда, зачем цензура?»²

Жизнь Анциферова — свидетельство осознанного, если не сказать научного, акта применения в бытовых целях платонической идеи вещи как обладающей не только «особого рода действительностью», но и «силой, направляющей ее жизнь, ее конечной причиной и ее конечной целью»³. «Я полюбил свет, — пишет он жене из концлагеря, не чая вернуться домой, — который открылся мне, и возненавидел борющийся с ним, желающий поглотить его — мрак. <...> Хорошее — хрупко. Вот итог. Хочется оградить, спасти его — вот задача. Но хорошее бывает не только стекло, которое дробит „тяжкий млат“⁴. Но оно бывает и булат, который под ударами не дробится, а получает четкую форму — согласно своему назначению. Вот на этом булате еще и держится жизнь, и верю — будет держаться. Не все же хорошее хрупко»⁵. Письма Анциферова — это неустанная работа мысли по выявлению «истинного бытия в бытии относительном» (Вяч. Иванов).

¹ Анциферов Н. П. Думы и дни // Анциферов Н. П. «Радость жизни былой...» Проблемы урбанизма / Отв. ред. Д. С. Московская. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 591–592.

² Там же. С. 604.

³ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 80–81.

⁴ Реминисценция из поэмы А. С. Пушкина «Полтава»: «Так тяжкий млат, / Дробя стекло, кует булат».

⁵ Наст. изд. С. 281.

1900–1920-е годы
Письма Фортунатовым¹

28 октября 1902 г. Киев

Милый Гриня!

Как ты поживаешь? Как твое здоровье? Весело ли тебе? Как вы устроились? Без вас нам очень скучно. С кем ты познакомился? Я недавно был на «Игоре»², мне очень понравилось. Моя лазоревка утонула в питейке*, она, верно, поскользнулась, упала, а так как там повернуться негде, то она не могла вылезть. Под конец она была настолько ручная, что летала за мной и мамой по комнате. Теперь у меня есть другая лазоревка, но уже с хвостом; потом еще: чечетка, снегирь и зяблик. Зяблик и чечетка всегда спят рядом и вообще очень дружны, а снегирь, которого я купил на Подоле за 5 копеек, очень скучает, и хочу в это воскресенье купить другого³. Играешь ли ты в рыцари, мы играем постоянно в меченосцев. Я себе сделал большой замок и 2 отряда — одни синие, другие красные. Король Александр убит, а на его место выбран старик 60 лет⁴. Привет Маме, Папе, Феде, Косте и Мане.

Твой Николай Анциферов.

* В той самой, что мы с Тобой купили у Ахиллеса. Шлю Мане перо снегиря. У Вовы⁵ сдох соловушка, извини, что я письмо так задержал.

¹ Печатается по первоисточникам: ГИМ 98324. ОПИ. Ф. 492.

² «Игорь» — «Князь Игорь», опера А. П. Бородина в четырех действиях с прологом; либретто композитора на основе сценария В. Стасова по «Слову о полку Игореве»; закончена Н. Римским-Корсаковым и А. Глазуновым. Премьера состоялась 23 октября 1890 г. в петербургском Мариинском театре.

³ Летние месяцы 1902–1903 гг., которые Анциферов провел на даче в Мотовиловке под Киевом, были временем страстного увлечения орнитологией, коллекционирования бабочек, птичьих яиц, птичьих перьев (Анциферов 1992. С. 421).

⁴ В 1900 г., увлекшись историческими романами В. Скотта и историческими хрониками В. Шекспира, Анциферов, а затем и его друзья начали рисовать рыцарей, придумывать им биографии и наконец перешли к вырезанию фигурок и созданию объемных картин из рыцарской жизни (Анциферов 1992. С. 62, 76–81).

⁵ *Вова* — Всеволод Николаевич Белокопытов.

25 октября 1910 г. Санкт-Петербург

Дорогой Алексей Федорович!

Очень благодарен Вам за присланную Вашу статью и анкету¹. Я думаю, что выяснение вопроса о призвании будет иметь значение для реформы университета. Если Вас не затруднит, будьте добры поручить Вере Михайловне² привезти мне 100 анкет. Я разговаривал по поводу ее с товарищами, и мы беремся ее распространить. Мне кажется, что помимо статистических данных в данной анкете очень важно, что и как ответят. Поэтому я думаю, что 100 ответов петербургских студентов и курсисток не помешает подведению итогов, т. к. они будут обозначены как петербургские. Насколько я понял, эта анкета предпринимается только в Москве.

Между прочим, студент Гизетти³ устроил кружок с целью детального изучения Эрмитажа с целью руководить экскурсиями для рабочих.

Нас пока 8 человек. Мы пригласили нескольких профессоров помочь нам разобраться в историческом материале. Начали с Египетского зала.

Оберучевой в воскресной школе сказали, что там уже давно мечтают об подобных экскурсиях. Этот Гизетти — сын Вашего знакомого. У него в комнате висит та же группа⁴, что у Вас.

Всего хорошего. Мама и я шлем всем Вам привет.

Коля А.

¹ Речь идет об анкете «О призвании» (1910) (см.: НИОР РГБ. Ф. 377. Карт. 6. Ед. хр. 30. 2 л.). Анкетирование студентов было задумано Фортунатовым с целью выявить их точку зрения на цели высшего образования.

² *Вера Михайловна* Фортунатова — супруга К. И. Фортунатова, с 1909 г. снимала комнату в квартире Анциферовых в Петербурге (Лахтинская, д. 9).

³ *Гизетти* Александр Алексеевич (1888–1938?) — литератор и общественный деятель, однокашник Анциферова по историко-филологическому факультету Петербургского университета, организатор студенческого «кружка по внешкольному просвещению» (Эрмитажного). В письме упоминается отец Гизетти — Гизетти ди Капофиерри Алексей Викторович (1850–1914), экономист и историк, с которым А. Ф. Фортунатов был знаком (см. письма Фортунатова к Гизетти: НИОР РГБ. Карт. 2. Ед. хр. 32. 34 л.). Мать А. А. Гизетти, Н. Д. Бекарюкова, была двоюродной сестрой И. М. Гревса и родной сестрой Е. Д. Лаппо-Данилевской (урожд. Бекарюковой), жены историка А. С. Лаппо-Данилевского (Анциферов 1992. С. 436). Воспоминания об Эрмитажном кружке вошли отдельной главой в мемуары (Там же. С. 202–216).

⁴ Речь идет о групповой фотографии.

29 июня 1913 г. Молде, Норвегия
Дорогой Алексей Федорович!

Очень благодарю Вас за пересылку писем и еще раз извиняюсь за свою дерзкую просьбу.

Беспокоит очень меня просьба о телеграмме. Боюсь, что я попросил Вас переслать Танину телеграмму¹, если таковая придет, и больше не сказал ничего. Если так, очень, очень извиняюсь перед Вами. Таня должна была телеграфировать Вам только в том случае, если я не пришлю ей телеграмму из Норвегии с обозначением адреса, т.к. мы не хотели напрасно беспокоить Вас. Не помню также, передал ли я Вам извинения Тани за то, что она забыла лично попросить Вас об этой большой услуге. Теперь телеграмма от Тани получена. Я хотел известить Вас телеграммой, но мы с Гришей решили лучше известить заказным письмом, т.к. телеграмма из Норвегии могла бы взволновать Вас.

Мы сейчас в Молде. Спешим поселиться на берегу океана. Гриша посетил Лергровик и с грустью обнаружил большие перемены. Эти десять дней провели в Флатмарке и с печалью расстались с ним².

Между прочим, Фрекен Анна (горничная из Флатмарка)³ нашла, что Гриша за эти пять лет очень помолодел. Действительно, Гриша имеет очень бодрый вид и проявляет большую энергию. С Фрекен Анной, которая знает несколько русскую литературу, мы вели частые беседы. С грустью узнала она, что люди 60-х и 70-х годов больше не являются типичными для русских. Вчера Гриша прочел в норвежской газете об объявлении войны Болгарией⁴. Надеюсь

¹ *Таня* — Татьяна Николаевна Оберучева. 25 марта 1912 г., на Пасху, Татьяна Оберучева и Анциферов обручились. Летом 1913 г. Анциферов с Григорием Фортунатовым во второй раз посетили Норвегию.

² *Молде* — туристический центр в Норвегии на северном берегу Румсдалсфьорда. *Лергровик* — небольшая деревушка на берегу океана недалеко от Молде, где в свой первый приезд в Норвегию поселился Анциферов. *Флатмарк* — постоянный двор в долине реки Реумы. Пребывание в этих местах в 1908 и 1913 гг. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 217–236).

³ *Фрекен Анна* — горничная на вилле Шиллер, в Швейцарии, ей посвящена отдельная глава мемуаров (Анциферов 1992. С. 333–336).

⁴ 29 июня 1913 г. в 3 часа утра болгарские войска перешли в наступление на македонском участке границы. Боевые действия закончились спустя месяц, но стали прологом Первой мировой войны (*Котов Б. С. Межсоюзническая война лета 1913 г. в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112.*

все же еще, что это просто незнание норвежского языка заставило его сделать такой вывод из прочитанного. Все же эти 2 дня я нахожусь в большом волнении и не могу ничего узнать толком. Совершенно перестали попадаться норвежцы, говорящие по-немецки.

Привет Александре Александровне и Мише.

Надеюсь, что когда-нибудь удастся попутешествовать и с ним. Всего хорошего,

Ваш *Н. Анциферов*.

P. S. Извините, что пишу карандашом. Чернил не достал. С 30-го июля мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Большая Спасская, д. 9-bis, 16 кв. До этого определенного не будет.

11 февраля 1914 г. Санкт-Петербург

Дорогие Александра Александровна и Алексей Федорович!

Спасибо за сердечный привет.

Ужасно жалко, что не удастся заехать в Москву повидаться с Вами. Слишком задержались мы в Петербурге. Как грустно было не видеть рядом с собою Мута.

Привет всем вам.

Ваш *Коля*.

И мой сердечный привет и благодарность: Александре Александровне и Алексею Федоровичу.

Ваша *Т. Анциферова*¹.

14 июля 1914 г. Бруннен, Швейцария

Дорогой Алексей Федорович!

Очень соскучился обо всех Вас, и захотелось написать несколько слов. Вас, конечно, моя открытка застанет в Петровском. Наше путешествие кончилось. Послезавтра через Нюрнберг и Дрезден возвращаемся в Россию. Очень сильно тянет домой. Будем жить в Алферове у Таниной тети. В Лозанне был два раза у Натальи Александровны Герцен². Узнал от нее, что неизданная часть «Былого и Дум» будет через год издана. Те выдержки, которые Вы мне как-то показывали, не из этой части. Очень много интересного

¹ Открытка молодоженов, адресованная А.Ф. Фортунатову в преддверии свадебного путешествия по Европе.

² Посещение *Натальи Александровны Герцен*, старшей дочери А.И. Герцена, Таты (1844–1936), в 1914 г. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 445).

она мне рассказала. До какой степени она еще полна жизни и как похожа на отца! Привет всем Вашим от нас. Где Гриша? М.б., напишете в Алферово. Ст. Ярцево, Л.Г. Гессель. Имение Алферово. Всего светлого,

Ваш Коля.

28 июля 1914 г. Ярцево

Дорогой Алексей Федорович!

Со стыдом вспомнил, что не поблагодарил Вас за «Вирши», которыми я был очень тронут.

Будьте так добры, известите, где Гриша. Совсем потерял его из виду.

Может быть, скоро увидимся в Москве.

А может быть, мне суждено другое: ратником ополчения второго разряда отправиться на защиту Киева¹.

Сердечный привет Вам и всем Вашим от меня и Тани.

Ваш Н. Анциферов.

19 октября 1915 г. Москва

Дорогой мой Гриша!

До чего мне грустно, что я не был с тобой.

Если бы ты раньше известил меня, я приехал бы к вам, несмотря на государственные экзамены. Уж очень я ждал этого дня.

¹ С началом Первой мировой войны указами Сената было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения — всего мужского населения от призывного возраста до 43 лет включительно, способного носить оружие и не числящегося в составе постоянной армии. Первый разряд ратников (воинские чины, отбывшие общие сроки службы в постоянных войсках, и лица, признанные физически годными к службе, но не служившие) был призван 18 (31 июля) и 21 июля (3 августа) 1914 г. К ратникам второго разряда относились лица, физически негодные для службы, но способные носить оружие, и лица, имеющие льготы по семейному положению. Манифест о созыве ополчения ратников второго разряда был подписан 31 августа 1915 г., призыв начался 5 (18) сентября 1915 г. В личном деле Анциферова хранится датированное 18 апреля 1919 г. ходатайство Школьного совета Тенишевского училища об освобождении его от военной службы (ЦГА СПб. Ф. 2811. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 10). В автобиографии из личного дела члена Союза советских писателей Анциферов уточняет: «По окончании университета в 1915 году был оставлен при университете для подготовки к профессуре (ввиду чего был освобожден от воинской повинности)» (Плотников К. И. К биографии Н. П. Анциферова (по материалам личного дела из архива Союза советских писателей) // АЧ-3. С. 246).

Все старался себе представить вас и вспомнил то светлое чувство, трепетное и величавое, которое пережил 5-го февраля¹.

Что ж делать, нам не удалось быть вместе эти дни.

Ну, крепко, крепко целую вас обоих — тебя в уста, Марию Александровну² в руку.

Может быть, мне удастся побывать вскоре в Москве. Как хочется увидеть всех вас. Побывать в твоей семье, такой родной.

У меня осталось всего два экзамена. Шесть прошло хорошо. Если и эти пройдут благополучно, И. М. Гревс предложит меня к оставлению.

Наташа³ начала ласкаться, прелесть, и ходить, держась за перила кровати.

Мама и Таня приветствуют и поздравляют.

Зинко⁴ просит передать тебе свое удовольствие по поводу твоей свадьбы. Привет всем вашим.

Твой друг Коля.

8 апреля 1916 г. Москва

Дорогой мой, родной! Какое ужасное, безнадежное письмо⁵.

Давно уже не было вестей от вас, и вот теперь это письмо. В чем ты, все вы найдете силы — и все тоже найдут. Когда сможешь, напиши мне обо всех Фортунатовых, а особенно о дорогом Алексее Федоровиче. Я не смогу приехать к вам. Много работы набрал и вот на Пасху не отдохну, да и кончается-то она быстро. Со среды занят в попечительстве и на службе⁶ и в библиотеке⁷. Я очень устал. Ночами сильные головные боли.

¹ День венчания Анциферова и Татьяны Оберучевой.

² Мария Александровна Фортунатова — жена Г. А. Фортунатова.

³ Наташа — дочь Анциферова.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Речь идет о смерти К. А. Фортунатова.

⁶ Система общественных благотворительных организаций, введенная в Санкт-Петербурге в 1908 г. для оказания систематической адресной помощи нуждающемуся городскому населению. В годы Первой мировой войны на них была возложена обязанность призрения членов семей мобилизованных нижних чинов и раздача казенных продовольственных пайков. Попечительство состояло из добровольных членов (Сводный отчет о деятельности городских попечительств о бедных в С.-Петербурге. СПб., 1914).

⁷ Анциферов служил младшим помощником библиотекаря в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга с 1916 по 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320. Л. 9).

Недавно была больна Таточка. Она страшно напугала нас. Под утро я услышал Танин крик «помогите». У Таточки закатились глаза, побелела совсем, и слюни выступили, и вся неподвижная. Я совсем не мог понять, что с ней.

Звали доктора, но он отказался прийти так рано. Пришел в 12 дня. Высказал предположение, что это идут зубы и что с этим связалась боль в животе. Через три дня Таня заметила гной на подушке. Позвали другого доктора, и он нашел, что в ухе был нарыв. Нарыв давил как-то на мозг, оттого был припадок. Теперь Тата быстро поправляется и опять весела и спокойна, но какой-то ужас остался. Слава Богу, что причиной припадка оказался нарыв.

У Вильчинского¹ родилась дочь. На восьмой день у матери поднялась температура до 39, а на 9-й до 40 и 2. Мы провели несколько очень тяжелых дней. Теперь ей лучше, но опасность еще не миновала. Смерть веет над рожденьями, а новая жизнь будет жить. Последние годы развил в душе вечное, и не будь этого — невозможно было бы теперь жить.

Вспоминаю теперь всю нашу дружбу. Вспоминаю старый дом в Петровском, в который я входил, как в родной, где меня ожидала моя семья. И когда Вы переехали, все изменилось. Смерть Кости, смерть Вовы. Только, Гриша, не приходит конец вашей семье. Этого не будет.

Я не могу написать Александре Александровне. Она поймет, какое письмо ты написал мне.

Передай же ей и всем Вам от нас горячий привет.

Мама написала несколько дней тому назад письмо твоей маме, в котором пишет, что это лето мы хотели бы провести где-нибудь в Петрове вблизи с Вашей семьей.

Прощай, дорогой друг.

Твой Коля.

<Апрель> 1916 г. Петроград

Дорогой друг!

Получил твое письмо². После твоих первых писем у меня надежды не оставалось. Прочел о смерти, и опять вспомнилось

¹ Вильчинский Ян Марианович (Иван-Сигизмунд Марьянович-Яковлевич, 1891-?) — биолог, гимназический друг Н. П. Описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 468).

² Речь идет о письме с рассказом о смерти Александры Александровны Фортуновой, скончавшейся 14 апреля 1916 г.

все, что было вашего в моей жизни, и все перед глазами вечер, когда твоя мама вернулась после смерти Кости и вы все вокруг нее. И все чудится ее лицо, ее голос.

Мама очень удручена, и я даже с ней не говорю. А говорю с Таней, рассказываю ей все. Мы не пошлем Вам телеграммы. Мама настаивает, а я не могу. Я такое сочувствие чувствую только в радости. Николаю Николаевичу¹ мог послать, а вам не могу.

Думаю о вас и знаю, что Александра Александровна и Костя среди вас, и потому не разрушится старая семья Фортунатовых. Память об Александре Александровне и Косте и мы всегда будем святить.

Как сложится теперь у вас жизнь.

Твои письма мне дороги, как никогда. Прощай.

Твой друг Коля.

22 мая 1916 г. Москва

Дорогой Гриша!

Ехать с тобой, как и следовало ожидать, не можем. Получили письмо от тети Лидии, ждет нас. Может быть, я один смогу повидаться с тобой. Перед возвращением на службу (в конце июня) думаю побывать в Москве и Барановке². Может быть, заеду к Вам, если будете недалеко.

Мама очень расстроила свое здоровье, и ей придется основательно лечиться. Доктор посылает ее на юг, но она не хочет ехать в Крым. А где еще ей устроиться, не знаю. Только что-нибудь сделать будет необходимо. Пока доктор установил строгий режим. Через неделю сказал, что окончательно укажет, что делать.

Вчера Ольга Федоровна Оберучева³ вернулась с похорон бабушки и привезла ужасную весть. 15-го мая Даню⁴ нашли

¹ Николай Николаевич Белокопытов.

² Барановка — имение Ивана Ильича Курбатова, дяди Н. П. по отцу, доктора медицины, расположенное в Рязанской губернии, было куплено им в 1897 г. Пребывание в Барановке в 1905, 1906, 1908 г. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 93–113).

³ Ольга Федоровна Оберучева — жена К. М. Оберучева, в доме которых в Киеве проживали две бабушки: мать братьев Оберучевых, бабушка Калипсо, и сестра их отца бабушка Маша.

⁴ Даня — Даниил Савельевич Лурье, сын врача. Описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 199–201).

в постели мертвым. Он отравился морфием. Одни думают, что случайно, другие говорят о добровольной смерти.

Последнее время он страдал галлюцинациями. В конце декабря Дая сделал предложение Мэке и получил отказ. Это на него очень сильно повлияло. Дая после себя не оставил ничего, что бы могло объяснить его смерть. И я думаю, что это была действительно случайность, но случайность, которую носим в своей душе. Эта смерть непроглядно мрачна.

Мне часто снится Вова. Раз он спускался по лестнице мне навстречу. Знаешь, такой радостный, как после разлуки. — «Так ты жив!» — «Жив! Жив! все это ужасное недоразумение, я тебе потом расскажу, а сейчас оставим это». И он был со мной. Во сне, когда видишь умершего, всегда чувствуешь, что что-то не так, что он уже умер. А тут этого совсем не было. Когда я проснулся, у меня было такое чувство, будто я побыл с Вовой.

Очень хочется получить портрет, о котором ты писал. Но высылать его пока не надо.

Много людей унесли последние года, много верований. Ты меня знал за общественника. Правда, им я остался и вместе с тем стал совсем иным. Присяжный политик и общественник, которые, казалось раньше, творят жизнь, — померкли, и дело их стало казаться маленьким. Чувствую — велика жизнь, и что-то творится каждый миг, и хочется участвовать в этом таинстве.

Жизнь люблю по-старому. Все сильнее чувствую вечное, это и спасает любовь к жизни. А жить тяжело, трудно стало. Но ведь это не мешает любить.

До свидания. Как ждешь его!

Напиши-ка мне в Алферово, где ты думаешь быть в конце июня.

Твой Коля.

Привет Марии Александровне и всем твоим.

17 июля 1916 г. Алферово

Дорогой друг!

Все ждал обещанное письмо, и нет его. Пишу в Петровское с просьбой переслать тебе. Очень порадовали меня заключительные слова твоей открытки: «Живу с женой дружно и счастливо».

Сегодня прочел о смерти Мечникова¹. Она очень сильно подействовала на меня. Ты знаешь, как многое возмущало меня в Илье Ильиче. Не знаю, говорил ли тебе, что после моей жизни в Париже мое отношение к нему значительно улучшилось. Я даже как-то привязался к нему. А помнишь рассказы Лидии Карловны², когда мы встречали Новый год, о том, как тяжело приходится ему в Париже. Теперь вспоминаю о нем тепло. Сам стал терпимее, а потом и взгляды некоторые изменились. Вспоминаю жизнь в Париже. Вспоминаю Вову.

Может быть, побываю у Вас в Петровском проезде в Барановку. Еду туда на неделю. Только, кажется, не удастся. У нас финансы так плохи, что даже это может оказаться невозможным. Мама очень ослабела, и доктор прописал ей строгое лечение и жизнь на постели.

На последнее она не соглашается, а лечиться начала. Очень беспокоюсь о ней. Сейчас она в Сестрорецке с Левандами³. В Алфёрове нам хорошо. Все места здесь полны дорогами для нас воспоминаниями.

Много занимаемся. Меня очень тянет к свободным занятиям. Хочется почитать новую литературу, литературу о войне, между прочим, собираюсь познакомиться с Фетом. Но столько обязательной работы, что не успеваю. Хорошо, что мне удалось поставить занятия так, что они не только средство, но и цель. Все, чем занимаюсь, привлекает и само по себе. Работаю по-прежнему над романтизмом. Занимался социальным мистицизмом в России (Одоевский, Тютчев, Печерин, Чаадаев, Киреевские) и Данте.

¹ Мечников Илья Ильич был женат на сестре Н.Н. Белокопытова Ольге. Анциферов встречался с Мечниковым во время посещения со Всеволодом Белокопытовым Парижа в 1911 г. Первое знакомство состоялось в 1908 г. в Петербурге. Взгляды Мечникова Анциферов описал в мемуарах: «Беседа с Ильей Ильичом, я с удивлением убедился, что его политические взгляды далеко не прогрессивны. И что нашей прессой создан миф о его радикальности, в силу которой Мечников покинул родину. Так, Илья Ильич выражал свое негодование на то, что русское правительство разрешает Мануйлову с кафедры проповедовать социализм. <...> Илья Ильич пренебрежительно отзывался о „легкомысленном“ Герцене и очень резко осуждал „глупого и беспутного“ Бакунина» (Анциферов 1992. С. 270–271).

² Лидия Карловна Белокопытова.

³ Екатерина Максимовна гостила у своей сестры Марии Максимовны Леванды (урожд. Петрова).

Но главное содержание нашей жизни — Наташенька. Как мне ужасно, невероятно хочется, чтобы у тебя поскорее были дети. А как хорошо тогда нам будет говорить о них. Я так горячо ждал ребенка, что тот мир, который она принесла с собой, показал нам, что все самые светлые мечты — только утренний туман перед восходом солнца. А правда хороши слова Новалиса: «Ребенок — это любовь, ставшая зримой»¹. <далее фрагмент текста утрачен>

Прощай, дорогой друг. Пиши же поскорей. Всего светлого.

Твой Коля.

Привет Марии Александровне.

10 декабря 1916 г. Петроград

Дорогой Гриша!

Кажется, вырвался на час от «обязательных работ». Давно уже хочу побеседовать с тобой. Был недавно в Выборге. Два праздника дали мне возможность удалиться от обычных занятий. Повидал море, покрытое шхерами, послушал шум волн и сосен. Посидел на камнях. И много, много пережил. Почувствовал, убедился, что прошлое цело, что оно такое прочное, неизменное, ставшее достоянием вечности. Это не воспоминание, а прикосновение к живому, продолжавшему жить. Редкие сосны на красивых гранитных утесах, сползающих в море, как в Буде², Vierwaldstättersee³, красные скалы Лергровика. Из-за горизонта <далее нрзб>, но шхеры увеличивают ширь моря и далеко уносят взор. Небо было седое, но кое-где просветы. Летали чайки. Мне было очень печально и очень хорошо. То Генуэзская крепость мерещилась, то Лергровик, то Буд, то Фирвальдштет-зее. И милые образы близких людей, и особенно Вова. Знаешь, так спокойно уверенно чувствовать, что он есть. Чужая речь кругом. Чужой город. Зовет колокол в церковь. Там орган и чудное

¹ «Ребенок — это любовь, ставшая зримой. — Мы сами — сделавшийся зримым росток любви между природой и духом или искусством» (Новалис. Генрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 150).

² Анциферов вспоминает рыбацкий поселок в Норвегии Буд, который он посещал с Гришей Фортунатовым в 1913 г. (Анциферов 1992. С. 438).

³ Vierwaldstättersee (нем.) — Фирвальдштет-зее, Фирвальдштетское озеро в Швейцарии, где на Вилле Шиллер в 1908 г. Анциферов проживал вместе со Всеволодом Белокопытовым и Гришей.

пение. Все это так внятно говорило о времени до войны, когда все были живы. С какой силой чувствовалось, что Россия больна. Знаешь, этот вид толпы молодых свободных людей — это здорово, это счастье народа, как он меня волновал. На Рождество с Таней и Наташей собирались поехать на озеро Сайму¹.

В Питере у меня жизнь налажена. Все часы распределены, и все как-то идет само собой. Занятия с учениками идут хорошо, ровнее, чем в прошлом году. Мы устроили исторический кружок. Раз в две недели из моего класса собирается человек 18–23. Докладчик читает, потом спорим. Ученики очень увлекаются. Темы берем из эпохи Возрождения и реформации.

В педагогической среде только плохо². Очень сильная борьба совершенно отравляет дело образования. Столько насмотрелся глупости и гнусности, что лучше стал понимать общественные <глупости и гнусности>. Страшнее всего то, что людей-то гнусных как будто и нет. Вот уже, кажется, несомненная подлость, а присмотришься и с удивлением видишь, что сделал-то ее не подлец. Во всяком случае, «педагогике» учусь у учеников, а от коллег учиться не пришлось. Очень радуюсь, что ты с таким жаром принялся за свое фамильное дело³. Хотелось бы побывать в Москве и посмотреть, как зажили вы вдвоем. С большим увлечением занимаюсь теперь «Софией»⁴. Мало только времени

¹ *Сайма* — самое крупное в Финляндии озеро; расположено на юго-востоке страны.

² В 1915–1916 гг. в условиях Первой мировой войны велась подготовка реформы средней школы, вызванной перегруженностью программы и неупорядоченностью преподавания и с целью расширения профессионального образования населения для экономического освобождения России. Обсуждение проекта депутатами Государственной думы касалось деления школьного курса на ступени, выявления базовых предметов, вопросов эстетического и религиозно-нравственного воспитания, совместного обучения мальчиков и девочек, гуманитарного и естественно-технического образования (*Шевченко В. А.* Подготовка реформы среднего образования министром народного просвещения П. Н. Игнатьевым. 1915–1916 годы // *Проблемы современного образования.* 2016. № 4. С. 101–121).

³ Речь идет о профессии ученого-педагога. Начало семейной традиции положил прадед Алексея Федоровича Петр Федорович Фортунатов (ок. 1759–1815/20) (*Агеева Н. Н.* Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // *Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: Сборник статей.* Чебоксары, 2014. С. 17–22).

⁴ «*София*» (др.-гр.) — премудрость, высшая мудрость. Речь идет о давнем увлечении Анциферова и Татьяны Николаевны религиозно-философским учением

удается уделять этому. С Таней читаем «Жана-Христов»¹, книгу, о которой оба давно мечтали.

Привет Марии Александровне. Наши шлют тебе привет.

Наташе очень хорошо со мной. Обо всем теперь говорит. Любит больше всего рассматривать портреты.

Всего доброго.

Твой Коля.

16 января 1917 г. Москва

Дорогой Алексей Федорович!

Спасибо за привет. Спешу исполнить Вашу просьбу: Адрес Н.И. Кареева Васильевский Остров, Большой проспект, д. 24, Ив. Ал-ндр. Бодуэн-де-Куртенэ Васильевский Остров, Кадетская линия, д. 9-1, и Л.И. Петражицкого² — Каменноостровский, № 22а.

В ответ на Ваш вопрос об интересующихся вопросом реформы школы мог бы прежде всего назвать первых двух указанных Вами как лиц, наиболее известных в связи с этим вопросом.

о «положительном всеединстве», изложенном и развитом Владимиром Соловьевым, Сергием Булгаковым, Павлом Флоренским, Львом Карсавиным и др. Углубленный интерес Анциферова к религиозно-философской проблематике сказался в его вступлении (по рекомендации А.В. Карташева) 5 ноября 1914 г. в Петроградское религиозно-философское общество, созданное по аналогии с Московским религиозно-философским обществом памяти В.С. Соловьева. 23 ноября 1915 г. также по рекомендации Карташева в общество вступила Т.Н. Анциферова.

¹ Увлечение десятитомным романом Р. Роллана, публиковавшимся в 1904–1912 гг. и в 1916 г. удостоенным Нобелевской премии, восходит к литературно-философскому студенческому кружку И.М. Гревса, организованному в 1915–1916 гг. для изучения философских аспектов и перевода этого произведения. «Гуманизм (*humana civilitas*), столь свойственный нашему *padre*, также привлек его в Ромене Роллане. В тот год бушевала Первая мировая война. Ненависть стала гражданской доблестью. Шовинизм охватил все круги общества. <...> Ученые всего мира переругивались в торжественных декларациях, объявляя себя защитниками цивилизации. Лишь Р. Роллан выступил <...> против проповеди ненависти», — вспоминал Анциферов (Анциферов 1992. С. 173).

² Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, профессор, преподаватель на историко-филологическом факультете Петербургского университета, описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 479). Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) — выдающийся лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук. Преподавал в Петербургском университете в 1900–1918 гг. Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) — теоретик права, в 1898–1918 гг. возглавлял кафедру энциклопедии права в Петербургском университете, упоминается в мемуарах (Там же. С. 494).

Еще встречал статьи Ал. Арк. Кауфмана¹, Васильевский Остров, 4-ая линия, д. 31, и Дм. Влад. Философова, Сергиевская, д. 83, Сер. Ан. Венгерова², Загородный, д. 21. Знаю, что И.М. Гревс (Васильевский Остров, 14 линия, д. 31) тоже интересовался этим вопросом. Как только прочел Вашу открытку, узнал из газеты, что переосвидетельствование³ отложено до осени, чему очень порадовался. Надеюсь побывать у вас на Пасхе. Работаю теперь много и с большим удовольствием. По-прежнему больше всего увлекаюсь преподаванием.

Привет от нас всем Вам.

Ваш *Н. Анциферов*.

<1917 г. Петроград>

Дорогой Алексей Федорович!

Очень тронут памятью обо мне.

Сегодня получил письмо от Гриши из Партенита⁴. Пишет, что чувствует себя хорошо. Маня произвела на него гораздо лучшее впечатление. Я от нее недавно получил ответное письмо.

Летом, как Вы уже знаете, провели три дня с Мишей, им совершенно очарован, хотя не во всем согласен. Сравнивал его с Гришей в эти годы. Какая разница во всем, хотя они оба чистые Фортунатовы. Вся наша семья собралась уже в городе. Я много отдаю времени лекциям для рабочих, солдат и матросов. Но преимущественно на исторические темы.

¹ *Кауфман Александр Аркадьевич* (1864–1919) — экономист, автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, аграрным общинам, переселенческим вопросам, статистике.

² *Философов Дмитрий Владимирович* (1872–1940) — публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель, в 1908–1917 гг. член Петербургского религиозно-философского общества, в 1918–1919 гг. работал в Публичной библиотеке. *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) — литературный критик, историк литературы. В 1897–1899 гг. читал лекции по русской литературе в Петербургском университете. В 1908 г. руководил Пушкинским семинарием, где начали свой научный путь С. Бонди, Ю. Тынянов, Ю. Оксман, В. Жирмунский, С. Балухатый, Б. Эйхенбаум и др.

³ В годы Первой мировой войны было произведено переосвидетельствование белобилетников, запасных и ратников.

⁴ *Партенит* — поселок на Южном берегу Крыма недалеко от Алушты.

Сегодня иду к П. А. Кропоткину¹ посоветоваться с ним о построении своего курса. Он был на открытии нашего Матросского университета² и набросал программу для занятий по истории XIX века.

Думаю много пользоваться Герценом. Наша Наташа очень подросла, любит книжки и отличается добротой и веселием.

Таня пишет брошюры на революционные темы. Только последнее время у нее очень мало досуга, т. к. масса времени уходит на «продовольствие».

Всего светлого, дорогой Алексей Федорович.

Привет от нас всем Вашим.

Ваш *Н. Анциферов*.

P.S. Я не разделяю панического состояния нашего «интеллектуального общества» и твердо верю, что и Россия не погибнет, и к старому строю возврата нет. Хотя местами бывает очень тяжело.

Сейчас написал Мане.

¹ *Кропоткин* Петр Алексеевич (1842–1921) — идеолог анархизма, географ, социолог, упоминается в мемуарах Анциферова (Анциферов 1992. С. 267).

² Возникший в начале Февральской революции Союз солдат-республиканцев направил усилия на развитие культурно-просветительской деятельности среди широких солдатских масс, готовя эти массы к сознательному участию в политической жизни страны. С этой целью Союзу, при скромных материальных средствах и незначительном числе активных работников, удалось издать свыше 1 миллиона 500 тысяч экземпляров брошюр, написанных авторами социалистического направления, распространить их и устроить ряд лекций по социальным и политическим вопросам. Благодаря содействию почетного члена Союза В. И. Лебедева, назначенного управляющим Морским министерством, и начальника походного штаба Н. И. Ратькова был открыт Первый Матросский университет. Занятия первой очереди начались 5 августа и закончились 30 августа 1917 г. (*Куликовский П.* Первый Матросский университет Союза Солдат-Республиканцев. Пг., 1917). Первый Матросский университет представлял собой месячные образовательные курсы для матросов, которым предстояло стать агитаторами и поддерживать на выборах в Учредительное собрание кандидатов «социалистического направления». Среди преподавателей, читавших матросам лекции, были Анциферов и его друзья по Эрмитажному кружку А. П. Смирнов и А. А. Лизетти. В церемонии открытия курсов в Большой физической аудитории ПГУ принимали участие А. Ф. Керенский, В. И. Лебедев, П. А. Кропоткин, ректор университета проф. Э. Д. Гримм и др. (*Платонова Н. И.* К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 115). Упомянутый курс по истории, подготовленный Анциферовым, был опубликован (*Анциферов Н. П.* История XIX века. Сжатый очерк-конспект, читанный в «Матросском университете» Союза солдат-республиканцев. Пг., 1917).